УДК 811.512

DOI: 10.21779/2542-0313-2016-31-3-54-59

К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев

Судьба пракорня **kes/sek* в ностратических языках

Ошский государственный университет; Республика Кыргызстан, 723500, г. Ош; ул. Ленина, 331; zulpukarov48@mail.ru, sem.87.90@mail.ru

В статье рассмотрены рефлексии реконструируемого пракорня **kes/sek* в ностратических языках, получившего такой облик в результате метатезы согласных звуков. Статья написана в русле идей, принципов и методологических основ ностратики, являющейся одним из новейших направлений современной компаративистики и постулирующей отдаленное генетическое родство целого ряда языковых семей Северной Евразии. К ностратической макросемье языков относят алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский), уральские (угро-финские и самодийские), индоевропейские, дравидийские, семито-хамитские и картвельские языки. В настоящее время генетическое родство этих языков считается вполне доказанным фактом: в них уже установлено около тысячи общих корневых и аффиксальных морфем с общей семантикой и звуковым обликом. Мы представляем состав ностратических языков значительно шире и включаем в него дагестанские, чечено-ингушские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские и сино-тибетские языки.

Сравнение семантики современных рефлексий пракорня **kes/sek* позволило установить его инвариантное значение «направление острого и остроконечного предмета вовнутрь другого предмета», реализуемое в различных семантических вариантах в виде «рубить», «разрезать», «разделить», «рыть», «вбить», «проколоть» и т. д. Факты алтайских, индоевропейских, уральских, дагестанских и других языков дополнительно демонстрируют и подтверждают закономерности отдаления сино-тибетских языков от прежде родственных языковых семей. Под действием законов открытого слога, рифмовки (благозвучия) и компрессии, определяющих специфику ханью, ностратический пракорень **kes/sek* получает на китайской почве рефлексии, возводимые к формуле **ke/se* и сохранившие инвариантное значение с некоторыми модификациями. Эти законы, комбинируясь с эпентезой, протезой, диерезой, метатезой, чередованием и прочими фонетическими процессами, увеличивают число расхождений в сино-тибетских и других родственных языках.

Ключевые слова: *ностратика, родственные языки, рефлексии пракорня, метатеза, инвариантное значение.*

UDC 811.512

DOI: 10.21779/2542-0313- 2016-31-3-54-59

The development of the old root **kes/sek* in the nostratic languages

K.Z. Zulpukarov, S.M. Amiraliyev

Osh State University; Kyrgyzstan; 723500, Osh, Lenin st., 331; zulpukarov48@mail.ru, sem.87.90@mail.ru

The article studies the reconstructed reflection of the old root **kes/sek* in the Nostratic languages as a result of metathesis of consonants. The article is written in accordance with the ideas, principles and methodological foundations of nostratika, one of the latest trends in modern compara-

tive linguistics postulating distant genetic relatedness of a number of language families of northern Eurasia. Macrofamily of Nostratic languages includes: Altaic (Turkic, Mongolian, Manchu-Tungusic, Korean and Japanese), Ural (Finno-Ugric and Samoyed), Indo-European, Dravidian, Hamitic and Semitic-Kartvelian languages. At present, the genetic relationship of these languages is considered to be the proven fact: there have found about a thousand common root morphemes and affixes with common semantics and sound shape. We consider the group of the Nostratic languages much broader and include the Dagestanian, the Chechen-Ingush, the Chukotka, the Kamchatka, the Eskimo-Aleut and the Sino-Tibetan languages.

Comparative study of modern reflections of old root **kes/sek* allowed to determine its invariant meaning «direction of sharp and pointed object inside another object», being implemented in a different semantic variants in the form of «chop», «cut», «share», «dig», «drive», «puncture» etc. The data of the Altaic, Indo-European, Ural, Dagestan and other languages also demonstrate and confirm the laws of distancing Sino-Tibetan language from the before related language families. Under the influence of the laws of open syllables, rhyming (euphony) and compression determining the specifics of Chania, Nostratic old root **kes/sek* gets on Chinese basis the reflections, ascendant to the formula **ke/se* and saving invariant meaning with some modifications. These laws combining with epenthesis, prostheses, dieresis, metathesis and other alternating phonetic processes increase the number of discrepancies in the Sino-Tibetan and other related languages.

Keywords: *nostratika, related languages, reflection of old root, metathesis, invariant meaning.*

В 60-е годы XX века в компаративистике появилась очень смелая лингвистическая идея. Суть ее заключалась в постулировании генетического родства целого ряда языковых семей северной части Евразийского и Африканского континентов. К ним были отнесены алтайские, дравидийские, индоевропейские, картвельские, семито-хамитские и уральские языки. Эти языки стали именоваться ностратическими (полатыни *noster* «наш»), а лингвистическое направление, изучающее их общие корни, – ностратикой.

Генетическое родство ностратических языков обнаруживается в наличии в них обширного корпуса генетически тождественных морфем (свыше 1000 общих корневых и аффиксальных морфем). Этот корпус корневых морфем включает в себя корни базового словарного фонда и покрывает круг основных элементарных понятий и реалий (части тела, родственные отношения, названия животных и растений, природные явления, элементарные движения и действия, пространственные отношения, указания, основные качества и чувства). При этом генетически родственными считаются морфемы языков разных семей, обладающие общими звуковыми и семантическими признаками.

Ностратика в настоящее время стала вполне определенной научной дисциплиной со своим объектом, научно-понятийным аппаратом, методологической базой и процедурами сравнительного анализа и обобщения (В.М. Иллич-Свитыч, А.Б. Долгопольский, В.А. Дыбо, И.И. Пейрос, Н.А. Сыромятников и др.). Мы включаем в состав ностратических языков дагестанские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские и сино-тибетские языки [1, с. 16–25; 2, с. 14–118; 3, с. 307–312; 4, с. 178–183].

В языках Евразии встречаются как открытые, так и закрытые слоги. Многообразие строения слогов является особенностью индоевропейских, урало-алтайских, семито-хамитских и других языков. Среди языков Евразии резко обособлены сино-тибетские, в которых сильна тенденция к компрессии, к открытому слогу и рифмовке. В некоторых из них преобладают открытые слоги, встречаются закрытые слоги только с одним или двумя конечными согласными. В китайском языке, например, конечными могут быть только согласные *-n* и *-ng*. В своем эволюционном развитии этот язык утра-

тил многие виды закрытых слогов, в частности конечные *-s* и *-k*. Это можно показать на множестве примеров. Но мы ограничимся только рассмотрением нескольких китайских слогов и их соответствий в других языках Евразии. Как известно, элементарной языковой единицей в синологии принято считать не звук языка, а слог, представляющий собой нерасторжимое единство первичной корневой морфемы и иероглифа.

Нас интересует группа слогов китайского языка с инвариантным значением «направление острого или остроконечного предмета вовнутрь другого предмета»:

1. Кит. *gē* «резать, резание, отрезать, отрезка, срезать, прирезать, косить, косьба, жать, урезать, делить, разделять, разлучать».

2. Кит. *gè* «кусок, часть, обрывок, обломок; личный, индивидуальный»; *kē* «раздел, часть, отрасль, отделение, сектор; яма, углубление, нора, гнездо».

3. Кит. *kè/kē* «резать по, вырезать, гравировать, высекать на; резной, гравированный; короткий отрезок времени, минутка; резьба, гравировка».

4. Кит. *gē* «копье» (с крюкообразным наконечником).

Первое можно сравнить с киргизским *кес-/кесуу* «резать, отрезать, срезать», второе – со словами *кесек* «кусок, комок», *кесим* «отрезок, кусок», *кесик* «отрезок, отрезанный; трещины на коже рук и ног», третье – со словами *кесе* «большая чаша (вырезанная) из дерева», *кесек/кезек* «черёд, очередь, время, момент, отрезок времени, доля», в которых за слогом *ке-* идет звук *-с*, и формант *кес* «режь» является исходным, первичным. В древнекитайском языке было немало закрытых слогов с конечным *-с/-з*, которые в процессе развития языка стали открытыми, лишившись конечного согласного звука. Среди примеров, приводимых С.Е. Яхонтовым, обращает на себя внимание возникновение слога *ко*, который стал произноситься так, начиная с V в. н. э., а в I тыс. до н. э. и в период до V в. н. э. выглядел в виде *kah*, до I тыс. до н. э. – *kas* «оглянуться» [5, с. 28]. Исходное *kas* «оглянуться» очень напоминает славянское *каз-/каж-* (*казалось, кажется*) и тюркское *көз/гөз/көс* «глаз, глаза» как по значению, так и по звучанию. Мы имеем все основания считать, что метатеза **kes/sek* в ностратическом праязыке произошла до возникновения тенденции в ханью к открытому слогу, потому что в этом языке четко обнаруживаются трансформы и видоизменения уже сложившейся перестановки начального и конечного звуков в корневой праморфеме. Трансформами древнего корня **sek* в китайском языке выступают слоги *cái* «кроить, разрезать, раскраивать, шить (одежду), урезать, уменьшать, сокращать, зарезать, прикончить, порешить, упразднить, ликвидировать, отрез (ткани), покрой, фасон»; *сид* «втиснуться между, быть зажатым между, придавить, прижать»; «косить траву», которые лишены конечного согласного звука под действием закона открытого слога и соотносительны с русским корнем *сек-*, латинским *сес-*, общетюркским *сок-*, передающими модификации вышеназванного инвариантного значения.

Этот единичный факт позволяет предположить, что было время, когда в ханью и киргизском языке трансформы рассматриваемого слога имели конечные звуки *-s* и *-k*, которые были утрачены первым языком и сохранены вторым.

Такое предположение с достаточной степенью убедительности подтверждают примеры из других языковых семей северо-евразийского лингвоэтнокультурного пространства. Можно привести примеры из восточно-кавказских (дагестанских) языков: таб. *къасу* «коса», крыз. *къаьсу* «коса», лезг. *къусу* «лопата», лак. *къуса* «ложка» (казах. *касык* «ложка»), авар., анд., дарг. *газа*, цахур. *газай*, таб. *газу*, *газгаз*, *газзу*, лезг. *каца*, дарг., лак. *ккаца* «кирка, мотыга» [6, с. 67–68], арчин. *кълас* «резать», дарг. *къисбирес* «резать», *къац* «резать, пилить» [7, с. 139]. Перестановку звуков мы находим и в даге-

станских, и в чечено-ингушских рефлексиях корня: авар. *гозо* «клюв», хиналуг. *зок* «клюв», чечен. *зIок* «клюв» и т. д. [6, с. 34].

В индоевропейских языках мы встречаем трансформы древнего корня в виде *kes-*, *kos-*, *kas-*, *ks-*. Приведем некоторые примеры: рус. *коса*, *косить*, *косьба*; *кусать*, *укус*, *кусок*; *казнить*, *казнь*, которые имеют аналоги в других родственных языках. Ср. также: литов. *kasti* «кусать», латыш. *kūožu* «кусать», старосл. *косерь* «серб, коса», рус. *ко-сарь/косырь* «большой тяжелый нож, нередко из обломка косы», словен. *kosar/koser/kosir* «большой кривой нож», польск. *kosuty* «хвойные иглы», словац. *koštúr* «кинжал», болг. *костура* «карманный ножик» и т. д. Эти примеры допускают сравнение с тохар. В *kes-* «резать», лат. *castro* «обрезаю», франц. *casser* «разбивать», др.-ирл. *kes* «шип на веревке», ср.-ирл. *kass* «копье», литов. *kasti* «копать, рыть», *kasyti* «царапать», *kasiklis* «лопата» и т. д., значения которых с вероятностью возводимы к вышеприведенному инвариантному смыслу.

Индоевропейские рефлексии реконструируемого пракорня допускают сравнение с фактами семито-хамитских языков: араб. *ḡazza* «отрезать, стричь», *ḡazara* «убивать, умерщвлять», *ḡazama* «отрезать, стричь», *miḡazz* «ножницы», *ḡazzar* «резник», евр. *gēz* «стрижка овец», *gāzaz* «остригать», *gāzar* «резать, делить, рубить (дерево), решать», асир. *gizzu* «стрижка», эфиоп. *gazama* «рубил (дерево)» и т. д. [8, с. 195–240].

Этот корень встречается и в уральских языках: фин. *kase* «острие», марийск. (горн.) *küzö* «нож», венг. *kes* «нож», манс. *kasaj* «нож», хант. (сев.) *kesi* «нож» и т. д., а также в дравидийских языках: значение «кусать, жалить» в тамил. *kaccu*, тогда *kos-*, каннада *kas-*, тулу *kaccu-*, колами, паржи *kass-*, куи, гадаба *kas-*, гонди *kask-*, кува *kac-* и др.

Эти примеры сравниваются с картвельскими (сван. *kě-* «рубить, резать», в лашх. говоре *geč* «нож») и алтайскими корневыми морфемами: «резать» *kes-* в кирг., каз., узб., туркм. и др. языках, *kis-* в татар., *ges-* в кумык., *kac-* в чуваш. и т. д.; ср. узб. *хисм* «часть, раздел, отрезок»; *кесек/кесик/кесим* в значении «кусок, отрезок» почти во всех языках; «кусок» в виде *кесег* в монг. письм., *кизаг* в монгол. и др. языках [9, с. 320–321]. Ср. рус. *кусать* – маньч. *хаза* «кусать», рус. *коса* – монг. *хажур* «коса, серп-горбуша» [10, с. 46].

А.С. Мельничук приводит ряд примеров для демонстрации метатезы *sek-* и *kes-*, проявляющейся в перестановке согласных звуков корня при общности значения. Он пишет о «параллелизме индоевропейских основ с начальным *sk-* в сопоставляемых со славянскими словами неславянских языков и начальным *ks-* (слав. *x*) в словах, унаследованных славянскими языками» [8, с. 222]. Вышеприведенные примеры он сравнивает с фактами в других индоевропейских языках. Архетип *sek-/sec-* «резать, рубить» (лат. *seco* «срезаю, распиливаю, раскалываю, обрубая», *sekula* «серб», *sekuris* «топор», старосл. *sekira*, рус. *секира*, *секу*, *сечь*, *присекать*, укр. *сігу*; древневерхненем. *segansa* «коса», *saga* «пила», др.-анг. *secg* «меч, камыш», литов. *šecas* «свеже порубленный зеленый корм», латыш. *seks* «свежее сено»), по его мнению, возник в результате дистантной метатезы, т. е. перестановки начального и конечного согласных в корневой морфеме *kes-*. Ср. также лат. *sexus/секс* «пол, половое отношение», *sectio/секция* «разрезание, разделение, отдел», *segmentum/сегмент* «отрезок» и т. д. Общий каркас корня проявляет устойчивость, конечный согласный и интерконсонантный гласный допускают чередование.

Рефлексиями пракорня *sek-/sk-* считаются также др.-инд. *ksurah* «бритва», др.-перс. *škafad* «раскалывает», литов. *skusti* «брить, скоблить», *skustiwas* «бритва», латыш. *skust* «скрести, брить», *skut* «брить», рус. *секатор*, *сечь*, *секу*, *скребать*, *скоблить*,

древневерхненем. *skaft* «древко, пика», *skaba* «рубанок», *skaban* «скоблить», лат. *scabo* «чешу, скоблю, скребу», *skobina* «напильник», литов. *skaptas* «кривой нож для вырезания ложек».

Модификации трансформы архетипа **kes-* в виде *sek-/sok-/suk-/sik-* и т. д. мы находим в целом ряде других языков [2, с. 421, 422, 426, 439].

Значение «направление острого или остроконечного предмета вовнутрь другого предмета» модифицируется в языках самым различным образом в виде сем «отрезать», «зарезать», «резать», «стричь», «скоблить», «кол», «нож», «меч» и т. д., которые имеют экспоненты в виде многообразных вариантов пракорня **kes/sek*. Например, в киргизском языке мы имеем метатезу: *сык-* «жать, выжимать, отжимать, сжимать» – *кыс-* «жать, выжимать, отжимать, сжимать». Данная метатеза (*сык-* – *кыс-*) дополняет и наглядно демонстрирует общеностратическую дистантную метатезу *kes/sek*.

Вышеприведенные примеры позволяют сформулировать несколько общих выводов:

1. В языках Евразии широко представлены рефлексии и трансформы пракорня **kes/sek*, имеющие отдаленное общее значение. Метатеза носит не только межъязыковой, но и внутриязыковой характер.

2. Конечный согласный слога сохранен во многих языках, утрачен только в ханью в силу действия в нем законов открытого слога, рифмовки и компрессии знака.

3. Прототипическое значение «направление острого или остроконечного предмета вовнутрь другого предмета», несмотря на все формально-семантические видоизменения, сохранено во всех сравниваемых дериватах. Этот смысл имеет несколько разновидностей: «активное движение острого или остроконечного предмета» («резать», «проколоть», «рыть» и др.), «потенциальность активного движения остроконечного предмета» («серп», «долото», «копье», «нож» и т. д.), «активное действие предмета, во внутри которого находится или движется другой предмет» («глотать», «сжимать» и пр.).

Изложенный в статье фактический материал позволяет заключить, что в языке-предке современных евразийских языков, вероятно, существовало слово **kes*, имевшее инвариантное значение «направление острого или остроконечного предмета вовнутрь другого предмета» и трансформу-метатезу **sek*. Его рефлексии встречаются почти во всех языках Евразии, представляя прототипическое значение в различных семантических вариантах и вариациях.

Литература

1. Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.А. Об этногенетических и социокультурных связях ханзу и киргизов по данным языка // Вестник Ошского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 16–25.
2. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
3. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Протеза в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва. – М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307–312.
4. Сыромятников Н.А. О метатезе в ностратических языках // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – М., 1977. – С. 178–183.
5. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 153 с.
6. Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточно кавказских языков. – М., 1981. – С. 67–68.

7. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. – М., 1973. – 281 с.
8. Мельничук А.С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. – М., 1968. – С. 195–240.
9. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. – 2-е изд., испр. – М., 2003. – 369 с.
10. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Ч. I. – М., 1953. – 371 с.

Поступила в редакцию 29 октября 2016 г.

Received 29 October, 2016